

Бордо, Сен-Мало, где богатые торговцы, колониальные эксплуататоры, банкиры и все зависящее от них население заранее готовы были стать на сторону реакции!

Даже среди крестьян, для которых было бы выгодно стоять за революцию, сколько было крестьян побогаче («кулаков» и мелких буржуа), которые боялись ее; не говоря уже о том, что в некоторых местах революционеры сами своими ошибками отталкивали от себя население. Слишком большие теоретики, слишком большие любители «стройности» и «единообразия», слишком горожане, они оказывались неспособными понять все разнообразие форм земельной собственности, вытекающих из обычного права. С другой стороны, они были слишком пропитаны вольтерьянским духом, чтобы отнестись с терпимостью к верованиям масс, обреченных на нищету; а главное, они были слишком «политики», чтобы понять, как важен для крестьянина земельный вопрос. Сами революционеры поэтому вооружили против себя крестьян в Вандее, в Бретани, на юго-востоке.

Контрреволюция сумела воспользоваться всеми этими силами. Такие дни, как 14 июля или 6 октября, перемещали центр власти в правительство; но собственно революция должна была произойти во всех 36 тыс. общинах Франции, в самом духе и образе действий обывателей, а на это требовалось время. Этим временем и воспользовались контрреволюционеры, чтобы склонить на свою сторону всех недовольных из зажиточных классов, имя которым в провинции было легион. Дело в том, что если радикальная буржуазия дала революции поразительное количество выдающихся умов, развивавшихся постепенно во время самой революции, то у провинциального дворянства, у торгового класса и у духовенства тоже не было недостатка в сметливости и знакомстве с «делами», и все они, вместе взятые, придавали королевской власти громадную силу для сопротивления.

Эта глухая борьба заговоров и контрзаговоров, частичных восстаний в провинциях и парламентских столкновений в Учредительном, а позднее в Законодательном собрании продолжалась почти три года: от октября 1789 до июня 1792 г., когда революции был дан новый толчок. Вот почему эти три года так бедны событиями, имеющими историческое значение. Все, что следует отметить за этот промежуток времени, - это усиление крестьянских движений в январе и феврале 1790 г., праздник Федерации 14 июля 1790 г., избиение народа в Нанси (31 августа 1790 г.), бегство короля 20 июня 1791 г. и избиение парижского народа на Марсовом поле (17 июля 1791 г.).

О крестьянских восстаниях речь будет в одной из следующих глав. Теперь же скажем несколько слов о празднике Федерации. Он воплощает в себе весь первый период революции. Общее вдохновение и дух общего согласия, проявившиеся в этом празднике, показали, чем могла бы быть революция, если бы привилегированные классы и королевская власть поняли неизбежность совершившихся изменений и уступили добровольно тому, чему помешать они уже были не в силах.

Тэн старался унизить празднества революции, и действительно, в 1793 и 1794 гг. они часто носили слишком театральный характер. Они устраивались *для* народа, а не *самим* народом. Но праздник 14 июля 1790 г. был одним из прекраснейших праздников в истории.

До 1789 г. Франция не представляла собой ничего цельного. Это была историческая группа, связанная общей властью, но ее различные части, ее провинции мало знали и не любили друг друга. Только после событий 1789 г., после ударов, нанесенных остаткам феодализма, после прекрасных минут, пережитых сообща представителями разных частей Франции, между провинциями зародилось чувство единения, взаимности. Вся Европа приходила в восторг от слов и дел революции; как же могли противиться объединению в общем движении к лучшему будущему те области, которые сами участвовали в нем? Символом этого объединения и явился праздник Федерации.

В нем была еще одна поразительная черта. Для приготовления этого празднества нужно было выполнить некоторые земляные работы: выровнять почву одного громадного пустыря (Марсово поле), построить триумфальную арку и т. д.; и за неделю до назначенного дня стало ясно, что 15 тыс. рабочих, занятых на Марсовом поле, ни за что не справятся со своей задачей. Что же сделал тогда Париж? Кто-то подал мысль, чтобы весь Париж отправился работать на Марсово поле, и тогда все: богатые и бедные, артисты и рабочие, монахи и солдаты - весело принялись за работу. Франция, представленная на празднике тысячью делегатов, съехавшихся из провинций, обрела свое национальное единство в этой работе над землей - символ того, что совершит когда-нибудь равенство и братство людей и народов.

Присяга «конституции, предписанной Национальным собранием и принятой королем», принесенная несколькими тысячами присутствовавших, и присяга, принесенная королем и добровольно подтвержденная королевой за своего сына, - все это не имело большого значения. Всякий, присягая, делал про себя какую-нибудь «умственную оговорку», ставил мысленно некоторые условия. Король